

СВЕРХНОВАЯ
ФАНТАСТИКА

ИГОРЬ МИНАКОВ
МАКСИМ ХОРСУН

ПАУТИНА
МИРОВ

ЯУЗА-КАТАЛОГ

МОСКВА

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М61

Художник Александр Соловьев

Минаков, Игорь Валерьевич.

М61 Паутина миров / Игорь Минаков, Максим Хорсун. — Москва : Яуза-каталог, 2017. — 480 с. — (Сверхновая фантастика).

ISBN 978-5-9909915-1-4

Студент Костя Лещинский с Земли и модельер То Нда Хо Гаррель с Арсианы, заброшенные в мир, где погибла высокоразвитая цивилизация, вынуждены стать пилотами боевых бронеходов, чтобы поддерживать хоть какую-то тень порядка среди множества разумных существ, так же как они похищенных с родных планет.

Новые бойцы не подозревают, что это лишь начало Пути. Ведь их судьбы брошены на кон в галактической игре, разменными фишками в которой служат целые галактики.

Лети вверх! Лети вниз! Лети вбок! Ты мертв. Ты жив. Твое путешествие начинается...

**УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-9909915-1-4

© Минаков И.В., 2017
© Хорсун М.Д., 2017
© ООО «Яуза-каталог», 2017

А оно все выворачивается, выворачивается, выворачивается...

Обрубок дождевого червя. Бахрома щупальцеобразных отростков в два ряда. Кожистая мембрана, натянутая до прозрачности. Желатиновая плоть. Пульсация внутренних органов. Трепет артерий, ток черной крови.

Пришедшее из ниоткуда. Влекущее в никуда.

Движимое вечным голодом.

Необоримое.

Лишенное сочувствия и страха.

Слепое, глухое, бездумное. Только пасть, которая выворачивается, выворачивается, выворачивается... тебе навстречу.

Тьма и свет Вселенной перемешаны в бездонном мешке желудка.

Лети вверх. Лети вниз. Лети вбок.

Ты мертв. Ты жив.

Твое путешествие начинается.

Пролог

1

Долго-долго народ оджибве живет на Черепашьем Острове. Бабушка-Паучиха, Асабикаши, заботится о своих детях — людях Земли. Но когда народ оджибве расселился по всей Америке — благослови ее бог! — Асабикаши стало трудно посещать каждую колыбель. Тогда Бабушка-Паучиха научила женщин плести волшебные паутинки для маленьких детей из ивовых прутьев, сухожилий или ниток..

Старый Том Два Ворона повертел в корявых, темных от въевшегося мазута пальцах ловец снов — паутину из суровых ниток и оленьих жил, натянутую на ивовый обруч. Натали на миг отвлеклась от ночной дороги, бросила взгляд на попугчика.

Дырявые на коленях джинсы, клетчатая рубашка нараспашку. На волосатой груди — крест из обсидиана, в руках — шаманская штукавина. Одно другому не противоречит в этом чокнутом мире. Из-под шляпы торчат седые, слипшиеся сосульками волосы. Скуластое морщинистое лицо. На крыльях крючковатого носа — голубые склеротичные сеточки.

— Посмотри, дочка: штукавина круглая, как солнце. В восьми местах крепится к обручу паутина, — палец со слоистым, поломанным ногтем скользнул по окружности ловца снов, — потому что восемь лап у Асабикаши.

В середине паутины — дырочка, как у моей скво в юности, и добрые мысли пройдут сквозь эту дырочку к человеку, а злые — запутаются в паутине.

Под колесами зашуршал свежий асфальт: «Бьюик» Натали выехал на федеральное шоссе № 160. Свет фар выхватил из тьмы дорожный указатель.

«Форт-Мохаве — 60 миль».

Путь затянулся. Сначала бумажная волокита в департаменте образования Сан-Бернардино; несмотря на все договоренности, Натали долго не могла получить подписанные шефом отдела документы. Потом — поломка на пустынной трассе. Если бы не воля случая, воплотившаяся в бродячем торговце, способном к тому же ловко обращаться с гаечными ключами, то Натали пришлось бы возвращаться в город. Но теперь до резервации «Форт-Мохаве» — всего ничего. Меньше чем через час они будут на месте. А завтра — новый день, новая школа, новые дети и старые, как Вселенная, проблемы.

— Я был механиком в Рино, а теперь продаю ловцы снов по два бакса за штуку повсюду: от Вегаса до Лос-Анджелеса, и я давно понял, что именно хотят от меня услышать туристы. — Том Два Ворона поднял обруч клицу, посмотрел сквозь переплетение нитей и сухожилий на ночную дорогу. — На самом деле это — никчемная деляшка, дочка. Бизнес — так себе, но на сэндвич и стаканчик виски старику хватает. Ты ведь тоже из наших и понимаешь, о чем речь... Индейская кровь разбавлена до прозрачности, но я все равно ощущаю в тебе дух полноводной Колорадо.

На востоке полыхнула зарница. Ветер донес приглушенное ворчание, похожее на отголосок далекого грома. Натали невольно стиснула руль крепче. На мгновение ей показалось, что шины «Бьюика» оторвались от дороги.

— О-о, — протянул Том. — Опять рвануло, чтобы им пусто было!

— Атомные испытания? — испуганно спросила Натали.

— Они самые. Привыкай, дочь. Пока Советы живы, будет греметь и днями и ночами.

Натали покачала головой.

— Это выглядит такой бессмыслицей, дедушка. Ведь мы с русскими были союзниками, а теперь тратим кучу денег, чтобы сотрясать пустыню в центре собственной страны. Видит бог, наши доллары можно было потратить с большей пользой...

Говоря это, она думала о нищете и антисанитарии, которые царили в индейских резервациях, о безграмотных, плохо одетых и чем попало накормленных детях, которым она завтра начнет преподавать основы основ: арифметику и письмо.

Том Два Ворона хмыкнул, затем пробурчал, глядя на свое отражение в боковом стекле.

— Оба моих сына погибли на Эльбе. Русские, немцы, французы, англичане... — Его темные пальцы ощупывали ивовый обруч, точно искали в древесине изъян. — Не придумал еще Господь кары, которой достойны те, кто развязал войну, и те, кто нагрел на ней руки... Зато ее изобрел дядя Сэм...

Он повернулся к Натали и посмотрел на девушку сквозь отверстие в «паутине».

— Соболезную вам, — быстро сказала Натали, понимая, что следует сменить тему. Похоже, у старого индейца была своя трактовка событий Второй мировой, и Натали меньше всего желала тратить силы на спор. Она вообще предпочла бы проделать остаток пути в молчании. Натали дьявольски устала, а еще она постоянно ощущала запах собственного пота, и это лишало ее остатков расположения духа.

«Бьюик» осветили фары догоняющей машины. П слышался бычий рев клаксона. Натали прижалась к обо-

чине. Мимо пронеслась колонна крытых брезентом армейских грузовиков.

— Краснокожий — вовсе не означает «красный», — продолжил Том. — Но комитет по расследованию антиамериканской деятельности спрашивает с нашего брата строго. Тебе еще не приходилось сталкиваться с агентами комитета, нет? Что ж, придется. Держи ухо остро, дочка, и не вспоминай былые союзы. О! — Старик ткнул пальцем в лобовое стекло. — Заправка Контуженного, значит, еще немного, и мы — на землях мохаве.

Натали молча кивнула.

И вот на обочине мелькнул столб с табличкой, извещающей, что они возле границы резервации. От шоссе ответвлялась мощенная щебнем ухабистая дорога. Натали крутанула руль. Потянулись обочины, заросшие выгоревшей полынью в человеческий рост.

— Мохаве придают большое значение сновидениям, — неожиданно сообщил Том Два Ворона. — Имей это в виду.

— Я не первый год работаю в резервациях, — ответила Натали. — Я умею уважать местные нравы.

Том снова поднес ловец сновидений к лицу и посмотрел сквозь «паутину» на дорогу. За стеной полыни виднелось электрическое сияние: уличное освещение — почти роскошь для поселка индейцев. Неоновые проблески намекали на существование нескольких лавок, бара и мотеля. Натали вытерла со лба пот. Невольно представилось, как она заходит в душевую, поворачивает скрипучий кран, затем подставляет горячее и пыльное тело прохладным струям.

Скорее бы уже, черт!..

— Девка, стой! — не отнимая деревяшку от лица, рывкнул вдруг старик. — Клянусь богом, что-то тут не так...

Натали не хотелось ни с того ни с сего останавливаться на въезде в поселок, когда лишь полмили отде-

ляли ее от мотеля. Она проехала еще футов четыреста, затем все-таки ударила по тормозам. Совсем рядом — протяни руку и достанешь — сияли окнами жилые дома: неказистые, с фанерными стенами. Чуть правее находилась стоянка для трейлеров. Слева громоздилась цистерна, выступая скругленной вершиной над крышей продуктового магазина.

— Что? — раздраженно спросила Натали, повернувшись к попутчику. — Желаете выйти здесь?

Но Том Два Ворона уже выскользнул из салона, оставив дверцу открытой. Он побежал вперед, семена короткими ножками в пляжных шлепанцах, пронесся перед капотом, скрылся в тени и там запричитал на языке мохаве.

Натали решила, будто у Тома Два Ворона приступ или что-то в этом роде. Бросать людей в беде было не в ее правилах, поэтому она решительно вышла из машины и направилась к старику.

Тьма была гулкой, мелко клубящейся, гранулированной. Круги света под уличными фонарями походили на галактики, отделенные друг от друга непреодолимым барьером из темной пустоты.

Тьма ныла в ушах, точно туча moskitov. Этот навязчивый, омерзительный писк оглушал, и могло показаться, будто из него состоит весь мир вне салона «Бьюика». Из него и из ритмичных всхлипов, похожих на звук работающей помпы.

Натали оглянулась. То, что она приняла сначала за цистерну, содрогалось, словно пораженное аритмией сердце. Колыхалась бахрома мясистых отростков. Влажно отблескивающие в свете фар «Бьюика» сети — то ли кишки, то ли сухожилия — оплетали двускатную крышу магазина и стелились в проулке. На стенах, заборах, на хилых кустарниках и дороге серебрилась слизь, точно иней.

Ловец снов упал к ногам Тома Два Ворона. Старый индеец содрал шляпу, взлохматил длинные волосы. Затем приосанился и зашагал в сторону «цистерны».

Натали охватили сомнения. Она оглянулась на «Бьюик», который не стоило оставлять открытым. Но сомнения длились недолго, точно что-то отсекло колебания и вообще лишние мысли. Длинноногая Натали кинулась за попутчиком вдогонку.

В мелко клубящуюся тьму. Навстречу москитному писку и утробным всхлипам.

А оно все выворачивалось, выворачивалось, выворачивалось...

2

Ласкова волна. Гладит бока и брюхо, подобно нежному материнскому плавнику. Погружаюсь в воду по глаза и наблюдаю, как на бирюзовом небе появляются белые клочки облаков и как снова растворяются в синеве. Непрерывна и случайна чередка рождений и смертей, небо отражает жизнь народа кхару так же, как море отражает ход огненного круга.

Горизонт теряется в паркой дымке. Непонятно, где заканчивается море и начинается небо. Ясно только, что кхару живут в море, а змеекрылы и огненный круг — в небе.

Мир Ша-Даара безбрежен. Только вода на все стороны света. Вода синяя, вода зеленая, вода желтая, вода белая. Вода, отравленная донными вулканами, вода, которая из-за водорослей густа, как слизь, покрывающая мою кожу. Вода здоровая, вода больная, вода обыкновенная или вода чудесная.

О том, что такое «берег» и «земля», мы узнали от пальцеруких, живущих на плавучих растениях. На Ша-Дааре нет берега или земли. На землю больше всего похожи льдины белых вод. Похожи, но и только.

Срываюсь с поверхности, плыву на глубину и догоняю клейкохвостку. Проглатываю ее живьем и наслаждаюсь трепетом добычи в просторном желудке.

Выныриваю и вижу, что горизонт разорван темным пятном. Что-то плывет, неуклюже раскачиваясь на волнах, в мою сторону.

Плот.

Плот — тоже слово пальцеруких. Так они называют связанные вместе стебли плавун.

Пеня хвостом воду, спешу навстречу.

Давно не встречал пальцеруких. Я бы не прочь послушать, как они рассказывают истории. Пальцерукие знают много удивительного. Их слова могут показаться излишне сложными или даже лишенными смысла. Но стоит только задуматься, и туманное станет ясным. Народ кхару думает все меньше и меньше. Мы живем одиноким дрейфом и подводной охотой; для того и для другого не нужно много мыслей. И истории пальцеруких помогают народу кхару отсрочить сон разума.

Может, на плоту есть кто-то живой?

Пальцерукий лежит ничком на стеблях и смотрит в небо, как делал и я какое-то время назад. Он пытается отогнать тонкой рукой грызух, что кружатся над его лицом и грудью.

Сначала я привлекаю внимание пальцерукого пением, затем быю ластом по воде так, чтобы сверкающие в сиянии огненного круга капли окатили его с головы до ног.

Пихаю хлипкий плот в бок и прошу: «Расскажи!» Подныриваю под плот, оказываюсь с другой стороны, снова толкаю плот и повторяю свою просьбу.

Пальцерукий приподнимается на локтях, глядит на меня.

«Я умираю! — шепчет он. — Какие еще рассказы!»

В досаде погружаюсь на глубину; вонзаюсь в воду, как врезаются клыки в плоть добычи. Когда прохлада ниж-

них течений остужает мне голову, я спешу на поверхность.

«Чем тебе помочь?» — интересуюсь у пальцерукого.

«Добудь воды!»

Это так, на Ша-Дарре, где океан — от края до края, самая большая ценность — вода. Но не простая, а чудесная: та, что льется с пасмурных небес в непогоду. Еще она есть в стеблях зеленых плавунов. Но у меня такой нет, и нигде поблизости ее не найти. Я с сожалением качаю головой.

«Болтливая рыба, — обращается ко мне пальцерукий. — Слушай сюда. Севернее я видел колонии плавунов. Подтолкни мое корыто! Всего день пути... Не дай сдохнуть! А я за это расскажу столько историй, сколько тебе ни один фраер на Ша-Дааре не наплетет!»

Недоверчиво баламучу хвостом воду. Дел неотложных у меня нет, и решительно все равно, в какую сторону плыть.

«По рукам!» — говорю ритуальные слова пальцеруких.

Затем упираюсь в плот плечом. Толкаю против течения.

3

Валерка докурил сигарету и швырнул ее в мокрую от вечерней росы траву. Несколько мгновений окурочка еще тлел в темноте, а потом с коротким шипением погас.

— Чего бычками швыряешься! — пробурчал Костик. — Пацанов отучаем, а сами...

— Ты мне зубы не заговаривай, — с ленцой отозвался Валерка. — Пойдешь сейчас на кладбище или бздишь?

— Детский сад...

— Значит, бздишь.

— Да пошел ты!

— В общем, так, братан, — как ни в чем не бывало продолжал Валерка. — Там в ограде дырка, ты ее легко

найдешь, тропинка ведет прямо к ней... Значит, через дырку и дуй к склепу. На могильной плите мы с Лоркой бутылку из-под «Мартини» оставили. Принесешь ее мне, понял?

— Понял, — мрачно откликнулся Костик.

— Принесешь, значит, не бздун.

— Хрен с тобой, принесу!

— О, это по-пацански! — Валерка покровительственно похлопал младшего водителя по плечу. — Ступай, герой! Жду с победой... А я... — Старший водитель зевнул. — К Лорке пойду... зябко что-то...

Он нырнул в дом. Стукнула рама, затянутая противокмаринной сеткой. Костик остался в одиночестве.

«Почему это Смирнов всегда берет меня на слабо?..» — подумал он горестно.

Валерка нравился девчонкам. Рослый накачанный блондин, наглый, как танк, и обаятельный, как Джонни Депп. Он любил прикалываться над чернявым невысоким Костику, который при виде Валеркиной подружки, медсестры Лариски Емельяновой, мучительно краснел и заикался. Не то чтобы Лорка ему нравилась, но от ее пышного тела веяло такой женской притягательностью, что не реагировать на нее было невозможно. Валерка это быстро просек и стал пользоваться, придумывая Костику все более каверзные испытания и недвусмысленно намекая, что Лорка не любит маменькиных сыночков и бздунов.

Зубчатая стена Клетинского бора чернела на фоне серебристо-белого ночного неба. Ухал филин. От реки несло промозглой сыростью. Зудели комары. Смутно белела тропинка, которую любознательные пионеры протоптали к кладбищу. И пионеров-то давно нет. И лагерь «Салют» называется просто — детским и оздоровительным. А тропинка осталась. И вот теперь ему, Костику, студенту-второкурснику, предстояло отправиться туда, куда бегают по ночам разве что глуповатые пятикласс-